

A watercolor illustration of a woman with blonde hair, looking out of a window. The scene is bathed in warm, golden light from the window, which shows a view of a city street with buildings. The woman is wearing a dark blue top. The overall style is soft and painterly.

Ольга Леонович

*Квартира
для Зои*

Ольга ЛЕВОНОВИЧ

Квартира для Зои

«Автор»

2026

Левонovich О. М.

Квартира для Зои / О. М. Левонovich — «Автор», 2026

Зое досталась в наследство квартира от бабушки. После этого жизнь её начала меняться.

© Левонovich О. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Запретное имя	7
Глава 3. Светлые воды	9
Глава 4. Нашествие гостей	11
Глава 5. Соседка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Квартира для Зои

Глава 1. Наследство

Зоя второй раз в жизни увидела эту коричневую дверь, впервые вставила в скважину ключ. Повернула с усилием, и дверь открылась трудно, словно раздумывая, пускать ли новую хозяйку в квартиру. Зоя зашла в полутёмную прихожую, постояла, пока глаза привыкли. Вешалка с какими-то плащами и куртками. Справа узкая дверь. Щёлкнул выключатель. В нос ударил запах сырости и плесени. Ванна, пожелтевшая от времени, голубой кафель, который от времени приобрёл зеленоватый цвет, унитаз, раковина и круглое зеркало, в трещинках и паутинках времени. Оно отразила худощавую сорокадевятилетнюю женщину со светлыми волосами и карими глазами. Рядом с раковиной притулилась старенькая стиральная машина. На полочке над ванной — покрытые пылью бутылочки и флаконы, а под самым потолком — тусклое окошечко, которое не мыли, наверное, лет десять.

Зоя прошла в комнату. Деревянные половицы чуть поскрипывали. Стоял запах пыли, шерсти, лекарств. Одна дверь вела на кухню, вернее — кухню, где были стол, застеленный выцветшей клеёнкой, пара мягких стульев с продавленными сиденьями, на стене висел про-

шлогодний календарь «Год Змеи». Зоя как-то машинально сняла его. На окне висел тюль непонятного цвета, в углу возвышался коричневый старинный буфет с посудой, вдоль стены расположились раковина, столик-этажерка, газовая плита. Под раковиной желтело пластиковое ведро, в которое и отправился смятый календарь.

Путешествие по квартире, внимательное и осторожное, продолжалось. В зале был разложен диван, старый, тоже продавленный посередине. Однозначно — на выброс, как и стулья на кухне, с занавесками вкуче. Темнел старинный комод. На нем, покрытом пылью, выделялся более темный прямоугольник. Видимо, здесь что-то стояло. А, телевизор. Вот и кабель, розетка рядом. У другой стены расположился старинный шифоньер с зеркалом, из крепкой фанеры, с округлыми краями. Узкая дверь вела в кладовку, и в ней пахло совершенно так же, как и в кладовке у тётки, к которой Зою привозили в детстве. На полках громоздились чемоданы, обтянутые тканью, коробки, стояли лыжи, деревянные гардины... Зоя поскорее покинула этот переполненный чужими вещами мир.

В спальне была застеленная пикейным покрывалом полутораспальная кровать, с железными спинками, с блестящими шишечками. Была такая раньше в их родительском доме. Рядом пристроился столик, заваленный газетами и лекарствами, у стены высилась этажерка с резными стенками, забитая журналами и коробками, вдоль противоположной стены стояла ножная швейная машинка, что очень обрадовало Зою. Она когда-то увлечённо шила не слишком сложные вещи. Но сарафан себе и дочке могла изготовить запросто. За ним у окна обнаружился небольшой холодильник, выключенный, пустой. Видимо, в кухне не нашлось ему места. Надо подумать, куда можно переместить из тесной спальни. Но старинный буфет на кухне Зоя не станет выбрасывать. Красивый.

Высоко в углу была прибита полочка, заставленная иконами, на потемневших от времени цепочках висела потухшая лампадка.

Зоя вернулась в комнату, открыла балконную дверь. В затхлую квартиру хлынул свежий весенний воздух, пропитанный запахами сухих листьев, грибов, первой зелени. Зоя выбралась на балкончик, заставленный ведрами, банками, вазонами с засохшими цветами. С высоты третьего этажа открывался вид на небольшой двор с детской площадкой, гаражи, дальние высоты, и далёкие леса, поля.

Короче, в квартире этой работы было, как бы сказала мама, «конь не валялся», но Зою это не удручало, совсем наоборот.

На улице темнело, пора было возвращаться домой. Зоя закрыла балконную дверь, покинула квартиру, переполненная впечатлениями.

Дома, как всегда, на полную громкость орал телевизор, плавал мерзкий сигаретный дым. Муж возник на пороге кухни, ворча, что жена где-то шляется, а он с голоду помирай. Она молча разогрела на сковороде рожки с котлетами, накрыла на стол, и сама села на свой табурет у окна. Муж ел, она тоже поклевала чуть, и раздумывала, говорить ли ему, что она теперь — владелица квартиры, двушки, на другом конце города. Пока решалась, он уже поел и ушёл к телевизору, смотреть новости.

Глава 2. Запретное имя

О бабушке Серафиме, чья квартира неожиданно досталась Зое в наследство, в родительском доме не говорили. Тем не менее, по редким случайным фразам Зоя знала, что бабушка ушла от деда и вышла замуж за «какого-то городского пижона».

Жили Зоины родители в деревне, в половине двухквартирного дома. Кроме Зои, были младшие брат и сестра. Они бабушку со стороны папы совсем не помнили, а Зоя вспоминала, смутно. Знала, что бабушка Фима, так её тогда называли, нянчилась с нею, маленькой.

Баба Фима пела ей колыбельные, рассказывала сказки, любила её, и любовь эта была взаимной. Мама ревновала, сердилась. С бабушкой было тепло и уютно. Когда она исчезла из их жизни, в доме словно сквозняки завелись, некуда было от них спрятаться.

Бабушкина любовь подарила ей эту квартиру. Хотя Серафима умерла давно, муж её Степан, обожавший свою жену, прожив после её ухода более десяти лет, исполнил просьбу своей любимой и написал в завещании имя Зои.

В студенчестве, когда бабушка ещё была жива, Зоя очень захотела разыскать её. Но мама резко ответила, что нового адреса у неё нет. И папа не знал, и тётки. Это было похоже на заговор. Все дружно жалели деда, первого мужа Серафимы, угрюмого и холодного, и осуждали

подлую изменницу. Дед обосновался в избушке своей, в ограде, рядом с родителями Зои, и после ухода жены недолго прожил. Зое иногда думалось, что именно от злости и бешенства случился с дедом инсульт, и он скончался вскоре. Все, конечно, винили в этом его бывшую жену.

Спустя много лет, через знакомую, что знала Степана Петровича, бывшего следователя прокуратуры, Зое удалось узнать адрес бабушки. Но было уже поздно. Зоя позвонила в коричневую дверь, ей открыл грузный пожилой мужчина, выслушал молча и грустно сказал, что Серафимы больше нет.

— А Вы, наверное, внучка, Зоя? Она вспоминала, любила Вас. Простите, я не приглашаю зайти, сам ухожу, у меня очередь в поликлинике, тороплюсь.

Больше они не виделись.

Зоя даже подумать не могла, что квартира достанется ей. Она поёжилась от мысли, что начнётся в их дружном на совместные осуждения и сплетни семействе, когда родители, брат и сестра, тётки с мужьями узнают об этом. Вся ненависть и скрытая зависть, что тлела или разгоралась в семейных разговорах о бабушке, перекинется на неё, Зою. Родня, даже узнав от Зои о смерти бабушки, не пожалела и не простила её. Надо же, влюбилась на старости лет, счастья, видите ли, захотела! Ну что, что дед попивал и побивал её. Ну и что, что волочился за женщинами в конторе леспромхоза. Не захотела, видите ли, терпеть и сохранять семью. Познакомилась с каким-то горожанином и ушла с одним чемоданом, ничего из дома не взяла, развелась через суд.

Известие о шикарном наследстве, конечно, жгло душу Зои, надо было поделиться. Она позвонила дочери Юленьке. Та с мужем Сашей и пятилетним сынишкой Лёвушкой жила в другом городе.

Юля очень обрадовалась, узнав новость. И когда Зоя сказала, что не хочет пока ставить в известность Юлиного отца, неожиданно поддержала её.

— Мам, и не говори, до последнего. Ходи в квартиру, обустройвайся, отдыхай, работай в тишине. Дома же покоя нет, я знаю.

Глава 3. Светлые воды

Да, Зоя, приходя в квартиру, которая стала её тайным убежищем, понемногу не только осваивалась, избавлялась от мусора, изношенных вещей, но постепенно входила в новую жизнь. Словно погружалась в светлые воды.

Она до сих пор ничего не сказала мужу, хотя прошло две недели, как она вступила в наследство. Скрывать её походы сюда было нетрудно. У неё была удалённая работа, а муж пропадал то на стройках, то в командировках. Она брала ноутбук, садилась в троллейбус, и полчаса спустя уже была... у себя дома. Так она подумала однажды и согласилась с этим.

В квартире, где жила с мужем Толей, действительно, не было покоя. Её удручали прокуренные комнаты, открытые форточки не спасали. Раньше Толя её слушался, курил на балконе, но со временем разленился, особенно после того, как начал выпивать. А выпивал он теперь почти каждый вечер. Зоя уходила кухню, плотно прикрывала дверь и распаховала форточку. Но едкий запах всё равно просачивался. И в спальне, несмотря на закрытую дверь, от табачного дыма было не спастись. И что толку от закрытой двери! Приходил хмельной Толя, распаховал дверь, ложился рядом, дыша спиртным и тем же табачным духом. Хорошо бы, если бы просто засыпал.

Вечно орущий телевизор, громкие разговоры мужа с тем или иным сослуживцем, всё это не давало сосредоточиться на работе. В редакции, где она трудилась, у неё не было своего кабинета, только стол в общей комнате. Тараторящие соседи доставали. Приходилось уходить в библиотеку неподалёку.

Теперь она приезжала в бабушкину квартиру, ставила чайник, пила чай с печеньем и работала. Вместо отдыха от труда умственного бралась за физический. Уносила очередную гору коробок с тряпьем и банками на свалку, обдирала обои в спальне. Разбирала завал в кладовке. Выбросила два жутких стула из кухни, взамен принесла два крепких венских из кладовки. Кухонное окно промыла, выкинув тюль, и подумала, что шторы подберёт после того, как переклеит обои.

Квартира понемногу преображалась. Зоя закупила моющие-чистящие средства. Постепенно из квартиры ушёл запах затхлости. Даже в ванной стало легче дышать, когда Зоя выгребла пыльный мусор и гору бутылочек из-под шампуней, продраила, как смогла, кафель, вычистила ванну, раковину, унитаз. Повесила новую штору над ванной. А как промыла окошечко, что выходило на кухню, так и вовсе стало уютно и гораздо светлее. Продавленный диван дожидался своей очереди на свалку. Пока можно было и отдохнуть на нём. Все покрывала, накидки, шторы, половички Зоя перестирала, в каждый приход крутила очередную партию белья старенькая стиральная машинка. Бельё Зоя развешивала на балконе, очищенном ото всего. Два дня ушло на его освобождение.

Самое интересное, неспешное дело было связано с книгами и бумагами, альбомами и письмами. Если Зоя легко выкидывала вороха старой одежды, особенно синтетики, вышедшей из моды, пропахшей прогорклыми духами и одеколоном, то не торопилась уносить на свалку этот, как бы сказал её муж, «бумажный мусор».

Очень нравилось Зое рассматривать пачки пожелтевших снимков. Вскоре она научилась узнавать бабушку Серафиму на любом их них. Худенькая, востроносая, молодая бабушка и взрослая внучка были похожи.

Зачитываясь письмами, Зоя забывала, где находится. Открывался новый, незнакомый, но, по ощущениям, родной мир её бабушки. Была пачка писем от бабушкиной сестры, что жила во Владивостоке. Она одна из многочисленной родни не осуждала беглянку, поддерживала связь. Была пачка трогательных посланий, что писал любимой Серафиме второй муж Степан, когда длительное время работал в милиции следователем, потому и лечился в больнице своего ведомства. Но самой интересной оказалась стопка писем, которые бабушка Серафима писала... самой себе. Хотя начинались они всегда словами «Здравствуйте, дорогие мои! Живы ли, как ваше драгоценное здоровье? Вспоминаете ли обо мне? У меня всё хорошо...». Далее следовал рассказ, например, как Серафима устроилась на работу в швейную мастерскую, а себе сшила новую душегрейку. Зоя видела эту душегрейку в кладовке, не поднялась рука её выбросить. Авторская работа! Машинная вышивка, вещь крепкая, тёплая и нарядная.

Бабушка писала о коте Тошке и его проказах, о том, что купила ткань и собралась сшить новые шторы. В реальности никаких следов пребывания здесь кота, кроме ободранной кошачьими коготками обивки дивана, не осталось. Бабушка писала, что скучает по всем, а особенно по внучке Зоеньке, золотой головушке. Зоя перечитала эти строки несколько раз, смахивая набегающие слёзы. Как было жаль, что в трудные подростковые годы, когда ей казалось, что не нужна никому на свете, не было рядом горячо любящего человека... И пришла мысль, что о упокоении бабушки надо непременно молиться. И о добрейшем Степане, в чьём доме она сейчас расправляет душевные крылья и возвращается к себе.

Глава 4. Нашествие гостей

Тем не менее, как ни хотелось Зое не покидать полюбившееся убежище, надо было ехать к мужу.

Она вошла в квартиру, и сразу поняла, что у них с Толей гости. В прихожей стояли чужие ботинки и сапоги, в воздухе плавали запахи жареного мяса, доносились громкие нетрезвые голоса.

— Зойка-то, жена твоя, где?— Да где-то в редакции своей, копейки зарабатывает. Что с них толку, с копеек, я дом держу, всё на мне.— Не на той ты женился, брат, скажу я тебе! Тебе хозяйка нужна, такая, как моя Валька, чтобы дома сидела, мужа кормила, а то ты, вижу, исхудал совсем!

Зоя прошла в комнату. Так и есть, Толин брат, Семён, или Сева, со своей необъятной Валентиной в гости заявили. В комнате буквально стоял дым коромыслом. Стол в зале был заставлен тарелками с едой, нетрезвые братья пили и закусывали, Валентина по свойски что-то готовила на кухне. Первым движением Зои было развернуться и уйти из дома. Но она пере-силила себя и осталась.

— Зойка! — загорланил притворно-радостно Семён, — Невестушка наша пришла, садись с нами! Появилась Валентина, дородная женщина в Зоинем фартуке. В её присутствии Зое всегда было настолько тошно и неудобно, что она постаралась поскорее исчезнуть в спальне. Вослед гремел голос Валентины:— И что ж это за дом такой! В холодильнике шаром покати, хорошо, что мы с собой еды привезли, а то сидели бы голодом!

Чувствовалось, что мужа Толю критика в адрес его жены очень даже устраивала. Он поддакивал, повторял, что всё на нём.

Зоя подумала, что можно было бы выйти к гостям и сказать: в их с Толей семье повелось, что коммуналку платит жена, а продукты покупает муж, и Зоя честно исполняла свою часть негласного договора. Все платежи, покупки моющих средств и прочие хозяйственные расходы были на ней, а вот насчёт продуктов... Муж тратил на них деньги по-минимуму, а ел за двоих, и Зое, чтобы не слышать его ворчание, часто приходилось покупать молоко и мясо самой, не говоря о зелени, овощах, приправах и прочих «незначительных» продуктах. Скопить хоть какую-то сумму на свои нужды не получалось совсем.

Похоже, сегодня она останется голодной. Выходить к гостям, под ехидные стрелы Валентины, не было ни сил, ни желания. Хорошо, что перед уходом из квартиры, по-настоящему своей квартиры, она успела попить чаю с творожным колечком. Утром Зоя проснулась рано. Рядом, дыша перегаром, храпел муж. В гостиной на диване спали гости дорогие. Стол был завален объедками и грязной посудой. В кухне стояли сумки с контейнерами, плита была залита соусом и заляпана, пол усыпан рассыпавшейся крупой. Раньше Зоя молча взялась бы за уборку, но сейчас тенью прошмыгнула в прихожую, оделась, прихватила свою рабочую сумку с ноутбуком, и с великим облегчением покинула ставшую чужой и тесной квартиру. Она ехала домой. По пути от троллейбуса до знакомой теперь пятиэтажки заскочила в магазин, купила молока, яиц,пельменей, хлеба и печенье. Дома в окнах сияло рассветное солнце, душа успокоилась. Зоя, пока готовила завтрак, даже мурлыкала какую-то песенку.

Надо было захватить на работу, вживую сверить последний вариант статьи с редактором. Можно было, конечно, просто отправить по электронке, но публикация могла затянуться на неопределённый срок. Этого Зоя старалась избегать. Вернулась она после обеда. Статья пошла в печать, можно передохнуть немного, прежде чем браться за следующий материал.

Но отдохнуть, запланированно разбирая одежду в старинном шифоньере, не удалось. Тишину разрезал телефонный звонок и недовольный голос мужа загудел в трубку:— Ты чего так рано уехала? Отпросись с работы, надо дома порядок навести и собрать мне рубашки, я завтра с утра в командировку.

Пришлось ехать в семейную квартиру. Там был полный разгром. Утром, видимо, гости попили чаю, не убрав вчерашнюю посуду, и ушли. Судя по баулам в прихожей, ещё собирались вернуться.

У Зои было огромное желание развернуться и уйти навсегда. Но рановато было. Во-первых, в этом доме осталось немало вещей, которые надо забрать. Во-вторых, хотелось как-то разругать всё по человечески, хотя задача почти невыполнимая. Зоя понимала, что с появлением своего убежища она, наконец, утешит свою измученную душу и разрешит себе, наконец-то, сбежать от мужа. Она боялась думать об этом, и тем более сказать вслух, хотя бы самой себе. Жалость к Толе была в первые годы совместной жизни, и на ней, собственно, всё и держалось. А потом на чувстве долга и элементарном страхе. Страх — а куда она пойдёт? А что родные скажут? Вон они как бабушку Серафиму заклеили и прокляли, а теперь и она, Зоя, туда же?

Жалость к себе муж Толя за эти годы вытоптал своими башмаками, совершенно не ставя ни в грош её желания, труды по благоустройству дома, работу её. Дочку Юлю он любил, но была разница. Был примечательный случай. Как-то, устав, Зоя присела на диван и позвала дочку-подростка:— Юлечка, иди ко мне, пожалею тебя! Дочь прибежала, прильнула к матери. Зоя передохнула и снова взялась за работу. Спустя час на это же место на диване устроился

муж и позвал дочь:— Юля, иди сюда, пожалей папочку. И Юля пришла, села рядом, погладила отца по рукаву. Как само собой разумеющееся, Толя принимал заботу других, но что было в ответ? Зоя попыталась вспомнить, но не смогла.

Глава 5. Соседка

То, что она решилась, наконец, уйти от Толи, придало Зое сил. Она перемыла в их семейной квартире всю посуду, шкафы, стол, пол. Попутно сварила суп, разморозив мясо в микроволновке. И вовремя, в прихожей затопали, загорланили гости. Видимо, Толя отдал им свой ключ.

Чтобы свести общение с дорогими родственничками к минимуму, Зоя переоделась и исчезла из дома. Пусть делают, что хотят. Едят, пьют, засоряют пространство. Она ехала в холодном троллейбусе, сентябрь студёный выдался. Думала о том, что надо из осенней курточки перебираться в пальто. Мысленно собирала вещи, прикидывая, что непременно перевезти в своё убежище. Набиралось не так уж и мало. Коробки с книгами тяжёлые, надо кого-то попросить вынести до такси. И вдруг тёмной волной накрыл страх, пошли мысли, чего это она удумала, безумная. Надо жить с мужем, терпеть. Стало так беспросветно плохо, что Зоя как слепая, пошатываясь, выбралась из автобуса, ноги не держали. А чёрные мысли летели, и летели, и клевали. Зоя не помнила, как добралась до коричневой двери, и пришла в себя только в бабушкиной спальне, у икон, где мерцал огонёк в синей лампадке. Она молилась истово, слёзы текли не переставая. Наконец изнемогла, села на кровать, что оказалась неожиданно упругой,

подтянутой, в отличие от дивана, и будто впервые оглядела тихую бабушкину спальню. Впрочем, теперь это была её, Зои, спальня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.